

Василь Махно

Lost in America: история Юджина

С украинского. Перевод Завена Баблюна

G.P.

Когда на Нью-Йорк опускается тьма, она приходит от океана: одной рукой стаскивает белую простыню дня, а другой — зажигает электрический свет в окнах небоскребов. Тогда Юджин возвращается домой. Он не видит яркого купола на Эмпайр-стейт-билдинг, потому что никогда не задирает голову так высоко.

Юджин должен быть осторожным: несколько раз он падал, споткнувшись, однажды его даже сбил велосипедист, а еще как-то раз на него наехал бешеный подросток на доске, разбив свою дурную голову и Юджиновы плечо и ключицу. Палец левой руки сросся горбиком после еще одного неудачного падения возле ирландского паба. Юджин — просто жертва нью-йоркских улиц с их безумным движением, сумасшедшими велосипедистами, крейзанутыми на досках, многолюдием на пешеходных дорожках. Все они — враги Юджина. И хотя эти опасности постоянно подстерегают Юджина, он вынужден выходить из дома, обходить свои улицы и авеню, посещать почту и книжные магазины, столовую в костеле святого Станислава, и должен возвращаться домой по темноте: так есть и так должно быть.

Он не принял от меня титул короля Ист-Виллиджа, мой нью-йоркских приятель Юджин Перуджини. На самом деле он не король и совсем не Юджин, а старый человек, приклеенный аппликацией, случаем, совпадением обстоятельств к пейзажу моего Нью-Йорка. Мне особенно запомнились его слова об одиночестве: «Знаете, я мог бы жить в Праге или в Германии, а сестра зовет в Украину, но я нигде не смогу побороть одиночество, только в Нью-Йорке его почти не чувствуешь».

Его ежедневный маршрут — от 3-й улицы до Томпкинс-сквер-парка, от 4-й авеню до Бродвея, на котором он заходит в книжный магазин «Стренд», потом — на почту, потом — в какое-нибудь кафе. Примерно в полночь возвращается, свернув с шумной 2-й авеню на 3-ю улицу, в свою квартиру без кондиционера на последнем, пятом этаже столетнего дома, хозяева которого менялись,

---

Махно Василий Иванович — украинский поэт, эссеист, переводчик. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

как и жильцы. Юджин — единственный старожил. Новый хозяин с удовольствием бы от него избавился: он платит меньше всех, потому что находится на рентконтроле. И именно поэтому за последние несколько лет Юджин был вынужден нанять нескольких адвокатов, которые в суде отстаивали его право на Ист-Виллидж. Несколько хозяев его дома жаловались на него в пожарное управление Нью-Йорка: Юджин, мол, захламил помещение так, что возникла опасность пожара. Тогда и началась судебная тяжба. Она привела к тому, что жилье пришлось очистить от книг и пластинок, которые Юджин коллекционировал пятьдесят лет своей жизни в Нью-Йорке. Погром длился один или два дня — был арендован металлический контейнер, который Юджин вынужденно наполнял книгами и пластинками. Предприимчивые афроамериканцы подъезжали на мини-вэнах и, порывшись в Юджиновых сокровищах, забирали редкие издания и диски, чтобы потом перепродавать их на блошиных рынках Нью-Йорка и окрестностей. Если бы не солидный возраст и защита закона, пришлось бы Юджину сменить Ист-Виллидж неизвестно на что... А на самом деле — углубить свое одиночество, которое с ним по-братски разделяет Нью-Йорк, за что он городу и благодарен.

«У наших разговоров с Юджином никогда не будет продолжения», — подумал я после нашего знакомства. И не только потому, что его интересовали книги и музыка. О нью-йоркских букинистических магазинах пятидесятих-шестидесятых годов, лепившихся друг возле друга на 4-й авеню и Бродвее, Юджин повествовал мне с особенным трепетом и жалел, что теперь «Стренд» остался единственным местом, где рядом с современными книгами стоят десятки стеллажей с редкими изданиями. «Стренд» — это, действительно, популярное место среди нью-йоркских книжников. Отреставрированный двухэтажный магазин всегда гудит, словно улей, потому что книгопчелы слетаются на книгоцветы.

У Юджина со «Стрендом» свои счета, потому что вследствие войны с лендлордом его квартира опустела и осиротела, а он утратил на некоторое время интерес к книгам. Напоминал наркомана или алкаша, которому удалось «завязать»: книг уже не покупал, пластинок не собирал, ходил по Ист-Виллиджу, прибитый несчастьем, которое свалилось на него так внезапно. Враз все лендлорды для него стали самыми страшными преступниками, врагами культуры, ограниченными своим жалким лендлордовским существованием.

Вскоре пожарная охрана Нью-Йорка и сам лендлорд, грек по происхождению, признали, что к жилищу Юджина не имеют никаких претензий, то есть пожарных норм он придерживается. Но проходило время, синдром библиофила-коллекционера у Юджина восстановился, и он начал сносить домой книжки. Сначала только найденные на улицах, потом уже не удовлетворялся этим и начал захаживать в книжные, скупать энциклопедии, словари, исторические монографии, щедро иллюстрированные справочники. И снова начал читать. Для этого приобрел еще одни очки и даже нелегально, без разрешения лендлорда, вставил новый замок в дверь — на всякий случай, чтобы никто не попытался вдруг поинтересоваться состоянием его квартиры. Каждый день, обходя Ист-Виллидж от авеню Си до Бродвея, он страдал, наблюдая возле домов связанные шнурками или скотчем стопки книг, ожидающих мусорщиков. Юджин хотел все эти книги спасти, забирал их и нес домой.

И снова четверем адвокатам пришлось защищать право Юджина проживать там, где он поселился в пятидесятых. Судебная тяжба, которую уже в кото-

рый раз начал владелец дома, продлилась несколько месяцев. Лендлорд приводил доказательства того, что Юджин снова нарушил обещание содержать помещение в порядке, адвокаты отбивались правом жильца по собственному усмотрению устраивать свой быт, ссылались на его преклонный возраст, плохое здоровье, убийственные переживания, связанные с этими судебными процессами, — и все-таки отбили Юджина. За ним стоял суровый американский закон, предоставлявший определенные привилегии людям пожилого возраста. Снова лендлорд, ничего не добившись, накричит на супера дома и прикажет мексиканцу следить за Юджином. Даже пойдет на расходы и поставит новые закодированные двери, которые можно открыть только карточкой, и еще установит видеокамеру, чтобы подстеречь Юджина с книжками или другим хламом и тогда, с видеозаписью, попробовать выиграть суд и навсегда выставить его из дома, то есть с Ист-Виллиджа да и вообще с Манхэттена.

Борясь с одиночеством, Юджин с утра сидит на скамейке в Томпкинс-сквер-парке и наблюдает за собачниками, которые приводят своих четвероногих братьев на выгул в специальный вольер. Ближе к десяти с разных концов Ист-Виллиджа сходятся местный бомонд с тележками: бездомные, психи, пьяницы. Выползая из своих логовищ, они оккупируют все свободные скамейки и заботятся каждый о своем. Им нужно дождаться второго часа, когда примчится «Армия спасения»: сначала выставят одежду, потом приедет походная кухня с обедом. Очередь, выстроившись, будет мешать пешеходам. Юджин тогда покинет Томпкинс-сквер и поковыляет в библиотеку — или тут же, на Томпкинсе, или же на 2-й авеню, в бывшем немецком Народном доме, от которого осталась только надпись по-немецки на добротном, но архитектурно нетребовательном фасаде из красного кирпича. Все немцы-туристы, которых приводят сюда, щелкают фотоаппаратами, но Юджина это не интересует. Он направляется в прохладное (летом) или теплое (зимой) помещение библиотеки и садится за периодики, начиная с «The New York Times». Иногда ему удается подремать. Хорошо, что вход в библиотеки бесплатный, не нужно записываться, если не берешь книги домой, и никто тебя не может вытурить за то, что пересидиваешь или убиваешь время. Одиночество, преследующее Юджина, спрятано в книгах, но книг он здесь не читает, и библиотечная тишина спасает его только от капризов погоды.

В небольших городах всегда есть кто-то, кто привлекает к себе внимание поведением, харизмой или таинственностью: местные к нему привыкли, а вот приезжие его замечают сразу. Правда, иногда никто из местных не может ничего путного рассказать об этом чудаке. В больших городах таких харизматиков, конечно, больше, но они и теряются между зданий, машин и туристов. Их замечают, но только для того, чтобы сразу забыть.

Юджин — это сплошная тайна. Его прошлое всегда переплетено с настоящим: в прошлом, однако, он себя чувствует совсем неплохо, потому что там уже ничего не исправишь, зато настоящее ему докучает, потому что это жизнь, которую он все еще проживает. Вот и вся разница.

Томпкинс-сквер — тоже тайна, хотя и выставленная напоказ. Правда, какая же это тайна, когда она — для всех? Это — типичный нью-йоркский парк между обломков зданий, которые свалили, как мусор, и только имя его заставляет кое-

кого покопаться на чердаке памяти. И память, прозрев, видит не только молодых жителей этого района, которые лежат на траве с книжкой или компьютером, не только музыкантов, борцов за права животных, активистов социальных программ или собачников, которые тусуются в вольерах. Она увидит войну, она увидит остатки послевоенного поколения, уничтоженного наркотиками и алкоголем, потрепанных детей цветов, криминал и социальное дно, что расцвело сорняками на этом заасфальтированном пространстве. Томпкинс-сквер стал легендой и местом паломничества благодаря героической обороне своего права на свободу, которую, однако, не удалось удержать. Я никогда не слышал от Юджина о событиях 1988 года, когда нью-йоркская полиция уничтожила целую колонию хиппи, наркоманов, художников-музыкантов и просто блудных сынов американских больших городов или глубокой провинции.

Иногда мне хотелось верить, что город не способен забывать своих жителей, даже тех, что уже превратились в прах под его мостовой, даже тех, чьим именем смело можно назвать какой-нибудь из его районов или улицу, но стены домов умеют молчать. Одно из таких имен — Юрий Капралов¹. Я спрашивал о нем у многих, кому довелось жить в то же время в том же месте, но никто его не помнил, только отмахивались: мол, такие типы кишмя кишели на Ист-Виллидже.

Даже Юджин, ист-виллиджевский энциклопедист и пересказчик историй, не смог его вспомнить. А Капралов мог ходить в те же кофейни, в которые тогда наведывался Юджин; мог пользоваться той же почтой или прачечной, покупать пойло в ближайшей лавке, мимо которой проходил и Юджин. Не встретились, разминулись, а если и виделись, то не знали друг друга, просто встречались взглядами и отворачивались, просто не понравились друг другу: капрал Ист-Виллиджа и король Ист-Виллиджа, который открестился от этого титула.

Юрий Капралов, который умер в 2005 году, был долгое время жителем Ист-Виллиджа, а именно Алфавет-сити, Постбитниковского района. Мне когда-то казалось, что я его видел году в 2002-м или 2003-м в «Русском самоваре» на 52-й улице: в ресторан на втором этаже вошел человек с огромной тростью, в каракулевой шапке и длинном пальто, похожем на кавказскую бурку, а с ним — какая-то женщина с видеокамерой, которая постоянно его снимала. Запомнилась его патриаршее шествие и та женщина, которая со всех сторон, то спереди, то сбоку, как фотограф на свадьбе, запечатлевала экзотического старика. Но как потом оказалось, это был совсем не Капралов, а Константин Кузьминский, другой экзот.

Юджин во многом отличался от Капралова, но было у них и кое-что общее. Юджин — скрипач, математик, коллекционер классической музыки и библиофил — американскую жизнь начинал со сбора кукурузы на ферме. Юрий Капралов — на ферме в Вермонте, а затем в Ньюарке, жил в зоопарке, в клетке белого слона; он также уезжал в Калифорнию, а потом осел на 7-й и 11-й улицах. Пока Юджин играл на скрипке, решал задания по высшей математике, работал слесарем и путешествовал по Америке, Капралов таксовал, учился в художественной

---

¹ Юрий Капралов — художник и писатель, «старейшина» богемы Ист-Виллиджа, почитавшийся в своей среде как «дедушка контркультуры». Родился в Ставрополе в 1933 году. В двенадцатилетнем возрасте после бомбежек немцами его деревни, мальчика переместили в лагерь, затем он был увезен на немецкую ферму, а после окончания войны отправлен в США как «перемещенное лицо». — *Прим. ред.*

школе, воевал в Корее и Лаосе, чтобы затем рисовать, писать, колоться и бухать на Ист-Виллидже. Капралов пропивал свое дарование, ему было, что пропивать; Юджин мог состоять при нем разве что кельнером.

В книге «Было когда-то село» Капралов рассказывает историю Ист-Виллиджа, который, вытеснив хиппи, заселили в основном пуэрториканцы, украинцы и поляки. На улицах было полно опасностей, каждый день кого-нибудь могли подрезать, избить, обокрасть. Именно в это время Капралов и Юджин жили где-то рядом. Ну и что с того?

Америка для Капралова была спасением и в то же время способом выживания. Поколение Капралова, Мекаса¹ и Юджина, которое прибилося после войны к Нью-Йорку в возрасте от двадцати до тридцати лет, без родителей и всякой поддержки, оказалось перед выбором свободы, с которой нужно было что-то делать. Капралов выбрал искусство и слово, сносил выброшенные из домов предметы и придавал им художественную форму, выставлял в галереях и просто на улице; Мекас выбрал кинокамеру, которой баловался, снимая простые будничные истории о себе и своих друзьях, записывая в форме дневника первые нью-йоркские впечатления; Юджин выбрал все — и ничего, поэтому его истории спрятаны глубоко в шахте его памяти, куда он иногда позволяет заглянуть. Все они в Нью-Йорке перестали трепетно относиться к жизни: они с ней играли — и она с ними играла. Они бунтовали, для чего имели основания. К счастью, таких недовольных оказалось больше, и не только из числа новых эмигрантов. Выпускники Гарварда или Принстона в какой-то момент тоже полюбили цветы и свободную любовь и принялись искать новых евангелистов, которые объяснили бы им, почему стоит жить так, а не иначе, с чем их профессора не справились. Рок-н-ролл и Вудсток, вьетнамская война и вранье политиков перевернули им мозги: им хотелось оторваться от социума, им ненавистного, они плевали на мораль и выходили на улицы в грязных армейских рубашках и куртках, оставляя за собой обеспеченную жизнь и создавая группы наркоманов и преступников. Они становились грязью, их философия — новой религией, романы Генри Миллера — Святым Писанием, скромные девушки — их любовницами, мир переворачивался и катился в пропасть.

Капралов принял это — а что ему оставалось? Он был человеком с окраины, писал прозу и стихи, делал скульптуры и картины, жил на ничтожные деньги, но был свободен от условностей. Его детство схватила за горло война на Северном Кавказе, а потом была голодная преступная юность в Германии и первые годы в Америке. Он был человеком без родины и именно здесь, в Нью-Йорке, наконец нашел свою свободу, начихав на ценности и правила.

Окровавленная голова Капралова на первой странице «Village Voice» была похожа на усекновенную главу Иоанна Предтечи и знаменовала начало войны Нью-Йорка с детьми цветов, которые давно уже превратились в цветы зла. Нью-Йорк взял верх над Томпкинс-сквер-парком, вычистив из него наркоманов, алкоголиков и маргинальных творцов: в августе 1988 года полицейские, игнорируя протест Алена Гинзберга, прорвали уличные баррикады и сломали обес-

---

¹ *Йонас Мекас* — один из основоположников американского экспериментального кино, наиболее яркий представитель литовской послевоенной эмиграции. Эмигрировал в США в 1949 году, известен как создатель так называемых нарративных фильмов и фильмов-дневников. — *Прим. ред.*

силевшую руку со вспухшими от шприцов жилами. Томпкинс-сквер-парк не забыл этой битвы.

Интересно, где именно был и чем занимался Юджин, когда война, пусть и уличная, снова подошла к нему так близко? Он наверняка был где-то неподалеку, а известие о бунте и жертвах, наверное, расходилось по Ист-Виллиджу, ведь все телеканалы и радиостанции посвящали этому событию репортажи. Но Юджин был званым, а не избранным, и, видимо, стоял в форме дормена на 95-й улице, когда Капралову разбивали голову, а бомжей травили газом, как крыс, и ударами дубинок загоняли в полицейские грузовики.

Если Юджин не заходит ко мне несколько дней, это означает, что он или заболел, или уехал к другу в Нью-Джерси, или бродит по Ист-Виллиджу в поисках хорошей цены на копирование фотографий. Юджин все время что-то копирует — и все время вспоминает о войне, Германии, Судетах, Праге и Ашаффенбурге.

Каждый раз, когда Юджин заходит ко мне, он словно приходит с войны, которая только что закончилась. Он откладывает целлофановый пакет, садится в кресло, и война подходит к нему вплотную и долго не отпускает, крепко держа его старческую руку.

1945 год Юджин встретил в Праге, на Вацлавской площади.

Его уже пристроили работать в социальную помощь — переводить для пленных и остарбайтеров. В Прагу он прибыл из Судет, с заводов Цейса, где шлифовал оптические приборы для немецких подводных лодок. Приближение фронта остановило работу на заводе, и Юджин подался к пражским родственникам. Но пока Юджин выбирался из Праги, красные войска ее уже захватили, и на железной дороге заправляли Советы и чешская полиция. На одной из станций пражский поезд остановили для проверки документов. Советский майор, который проводил этот контроль, заметил Юджина, вывел его из вагона и передал рядовому-узбеку, а сам пошел в дальний конец поезда. К счастью, к ним подошел чешский железнодорожник, с которым Юджин успел перебраться словом-другим, и тот запихнул Юджина обратно в поезд, пояснив чужаку: то наш, то чех. Прага стала для Юджина западней, выход из которой был один — на родину. О родине Юджин беспокоился меньше всего. Днем он бродил по Праге, а на ночь переплывал паромом на другой берег Влтавы, вдыхая майский запах пражских лип, подсвеченных уличными фонарями.

Юджин попал на шахту «Генрих Фридрих Цехе» осенью 1941 года, вместе с пятидесятью украинцами и поляками, которых немцы привезли добывать уголь для рейха. Там, в рурском угольном забое за сорок километров от Голландии, Юджин, вооруженный киркой и шахтерским фонарем, на какое-то время стал кротом Рейха.

Сначала их поселили в бараках, где уже жили итальянцы и югославы. Шленский немец, который, разумеется, хорошо говорил по-польски, зарегистрировал их как поляков, поскольку прибыли они с территории Польши. Через несколько дней начальство издало указ всем пришить латинскую букву «Р».

Работа была организована в три смены, кормили баландой, иногда давали мармелад, чай из коры, даже что-то платили, так что какие-то продукты можно

было прикупить в лавке. В январе привезли с тысячу пленных Советов, голодных и ободранных. Их поселили в отдельном бараке, а через какой-то месяц тиф выкосил чуть не всех. Перекинулся и на бараки итальянцев. Паника катилась по лагерю. Зима была очень холодная, выпали высокие снега, и смерть, пройдя по одному бараку, переходила в другой, будто оберлагерфюрер, сзывала пленных, строила их и выводила навсегда из барака, который потом дезинфицировали или сжигали.

Мертвых той зимой сбрасывали в одну большую яму. Но зиму Юджину как-то удалось пережить.

В знак отказа носить нашитый шеврон с «Р» украинцы устроили стихийную забастовку. Сначала администрация распорядилась не выдавать обедов, а потом гестапо арестовало Юджина и еще нескольких человек, чтобы выяснить причины недовольства. За любую провинность можно было попасть в штрафлагерь, где условия были гораздо тяжелее, чем в шахте: спали там на металлических кроватях без матрасов, а за нарушения били и издевались. В гестапо Юджин объяснил, что они — никакие не поляки, а дрезденский «Арбайтс фронт», которому подчинялся Украинский комитет, выдал документы, которые подтвердили национальность украинцев. Все тщательно проверив, гестапо разрешило украинцам носить метрики, а не шевроны.

Юджин победил с нашивкой, но получил заклятого врага — шленского немца, который начал следить за ним, чтобы при первом же случае отправить в штрафлагерь.

Переписываясь со своим приятелем, который тоже работал на Рейх, но на заводах Цейса в Судетах, Юджин после размышлений принял непростое решение — бежать. За побег наказывали. Да и убежать было сложно, хотя бараки не охраняли: шахтерам запрещали уходить дальше, чем на двадцать пять километров. Нужно было справить такую-сякую одежду, скопить денег на билет, оставить барак в субботу-воскресенье, когда не было работы, и сделать это так, чтобы сразу никто не заметил. Юджин понимал, что, хотя их и не охраняют, внимательных глаз хватает.

Побег он готовил несколько месяцев.

И вот наступила суббота, когда Юджин начал осуществлять свой план.

Он рассматривал окрестности из окон трамвая, который направлялся в городок Дуйсбург над Рейном. Отрадней после изнурительной зимы и смертей от тифа майский пейзаж 1942 года с разлитой зеленой травы и клейкой листвой на деревьях словно стремился развеять Юджиновы тревоги. Дуйсбург над Рейном находился за 60 километров от шахт, а значит, полиция или гестапо уже имели формальные основания арестовать Юджина и отправить в штрафлагерь.

Отдаляясь от «Генрих Фридрих Цехе», трамвай плыл, покачиваясь, по рельсам, минуя немецкие городки и села, зазеленевшие поля и шахты. Тревога Юджина росла, неизвестность загнала его, точно мышшь в ловушку.

Юджин вез с собой чемоданчик и свидетельство о рождении.

До вокзала он добрался перед обедом. Для конспирации сошел на несколько остановок раньше, проверил, никто ли не следит. Возле касс топтуны

гестапо наблюдали за немногочисленными пассажирами. Они могли проверить личность или даже посмотреть билет: тотальная слежка военного времени.

Юджин увидел несколько топтунов, как только вошел в помещение вокзала.

К кассам подходить было опасно. Юджин быстро убрался прочь и какое-то время петлял по окрестным улицам.

Уже стоя возле кассы, Юджин больше всего переживал насчет документов и топтунов. Но те, наверное, пошли обедать, а кассирша, выписывая билет, даже не спросила про документы, так что Юджин вытащил из кармана девяносто марок и, поблагодарив, исчез с билетом на дрезденское направление.

Поезда нужно было менять: в Магдебурге пересаживаться на Лейпциг, в Лейпциге — на Дрезден. Все шло гладко до Дрездена. В поезде новобранцы, направлявшиеся на Восточный фронт, угощали Юджина бутербродами и подбадривали себя и его: мол, победа за нами, все зер гут. В Дрездене уголовная полиция устроила проверку документов, и Юджина арестовали — вместе с несколькими прочими невезучими путешественниками.

Допрос у начальника уголовной полиции проходил деловито и быстро. Юджин отвечал, не запинаясь, но споткнулся на вопросе, кто ему продал билет без документов. Однако тут же вспомнил о своей метрике, спрятанной в чемодане. Спасло ситуацию также и воскресенье: мол, едет он, Юджин, к своему другу в Яблонце-над-Нисой, который как раз приболел и попросил Юджина проведать его. Перечитав несколько раз метрику, которая раскрывала все тайны Юджинового появления на свет в городе, что относился к Генеральной губернии, начальник сказал: «Гаст ду рехт» — и отпустил Юджина на все четыре конца рейха.

И Юджин подался на Судеты.

Так прошли 1942-й, 1943-й, 1944 года. Юджин спокойно себе шлифовал стекло для подводных лодок, иногда встречал гросс-адмирала Деница, который регулярно навещался на цейсовские заводы — просто бродил по цехам то с японскими союзниками, то с немецкими конструкторами и инженерами.

В 1944 году завод Цейса решил, что справится какое-то время без Юджина, и гросс-адмирал Дениц тоже не имел ничего против путешествия Юджина на Восток. Юджин взял двухнедельный отпуск и с чемоданчиком приехал в Богородчаны, а оттуда — пешедралом до своего села.

Где-то в середине пути Юджин с холма заметил в долине черную толпу — группа людей куда-то направлялась. Когда Юджину удалось их догнать, он увидел, что это евреи из окрестных сел, в черных камзолах, из-под которых болтались белые кисти талесов; их под конвоем вели в Солотвин. Юджин понял, что идут именно туда, потому что группу развернула команда старшего конвоя: словно овцы, они покорно повернули направо. Юджин не запомнил их лиц, но зато помнил большие расширенные глаза и умоляющие взгляды. Те черные мужчины сбились в одно целое, в один организм страха и судорожной неуверенности.

В карабинах их конвоиров притаилась их смерть, она скромно лежала пулями в стволах.

Юджин зарегистрировался в немецкой комендатуре.

По сравнению с судетскими городками, чистыми и опрятными, как бижутерия, села Генеральной губернии выглядели мокрыми курицами на насесте.

Через несколько дней Юджин узнал о казни своих ровесников под церковью в Богородчанах. Местный парень, спрятавшись за кирпичный забор, видел, как немцы поставили под стену тех несчастных и расстреляли.

Немецкий комендант, бывший учитель из Баварии, нашел Юджина на третий день, посадил перед собой и посоветовал возвращаться к Цейсу, потому что дальнейшее самовольное пребывание на территории Генеральной губернии было по меркам военного времени преступлением.

Война, как понимал Юджин, шла не только где-то далеко, на Восточном фронте, об успехах немецкой армии на котором еженедельно оповещала немецкая кинохроника и писали газеты: она перебралась и сюда, в его село, через расстрелы, через вывоз людей в Германию, через сопротивление украинского подполья, через несчастных евреев, которым никто не мог помочь, через коменданта, который знал, где Юджину следует находиться. Юджинова земля, дом со всем добром, речкой, лугами, лесами, отец с мачехой, брат с сестрами, лошади и отцовское ружье, песочники и адвокаты, Австрия и Польша, рынок в Солотвине, директор школы Морский, учительница Эмилия, самодельная скрипка, красноперые птицы, серебряные караси и пескари, сельские цимбалисты и скрипачи — все они не отпускали Юджина, держались за него, держали его. Гросс-адмирал Дениц, правда, тоже высматривал Юджина из Берлина, потому что для немецких подводных лодок нужно было новое оборудование, — и комендант все же склонил Юджина вернуться.

Война подходила к концу. В феврале 1945 года земля тряслась под Яблонцем и его жителями, дрожали Цейсовы заводы, вибрировала бижутерия, шатались дома, словно пьяные судетские чехи, что возвращаются из кабака. Американская и британская авиация бомбардировали Дрезден, и волны бомбардировок доходили до самых Судет.

Почти перед приходом Советов гестапо арестовало молодого чеха — как оказалось, гея. Его вывели из цеха, его рабочее место убрали, и никто о нем больше не вспоминал, потому что война завершилась, и приближалась весна.

Заканчивался третий месяц Юджина в Праге. На Вацлавак, как всегда, слетались голуби и засирали саму площадь, водостоки зданий и новые коммунистические лозунги на чешском и русском языках.

Становилось небезопасно, потому что Советы разыскивали власовцев, остарбайтеров и бывших пленных, собирали их в лагеря и отправляли на родину. По городу пронесся слух, что в бельгийском посольстве формируют составы и, конечно, за деньги отправляют всех в Баварию, в американскую зону. С бельгийцами Юджину не повезло, но он попал на другой поезд, которые сформировали такие же деляги. Поезд Юджина шел только до города Пльзень, в окрестностях которого был небольшой распределительный американский лагерь, а в самом городе Советы организовали два больших сортировочных лагеря. К счастью, поезд доехал только до пригорода. А оттуда, уже под американским прикрытием, другим поездом сотни перепуганных и отчаявшихся людей добрались в Баварию.

Юджин въехал в Баварию, без сожаления оставив позади бижутерию и

цейсовские заводы Яблонца, а также захваченную Советами Прагу в цветении лип. Он попал в Ашаффенбург. Лагерь переселенцев на какое-то время стал для Юджина домом: здесь он купил скрипку, нашел немецкого учителя, записался в гимназию и запасся терпением, ожидая любого поворота обстоятельств и судьбы.

Спасение пришло из Америки. Через организацию, которая помогала перемещенцам, Юджин разыскал далекого родственника. Статуя Свободы уже махала Юджину руками, отирая слезы радости оттого, что еще один блудный сын бросится в ее распростертые объятия и стряхнет пыль со своих ботинок на нью-йоркскую брусчатку.

В 1949 году на военном корабле «General W.G. Naap» Юджин счастливо доплыл до Нью-Йорка. На пристани его встретил найденный родственник, который жил в Америке с 1907 года, и на роскошном лимузине завез Юджина на свою ферму в окрестности Ньюарка.

А уже в 1953 году зеленый двухдверный «понтак» выпуска 1940 года мчал по дорогам Аризоны. За Юджином было четыре года американской жизни, два города (Ньюарк и Нью-Йорк), несколько мест работы, легочная болезнь, безработица, несколько сотен долларов в кармане, несколько тысяч миль от Восточного побережья, а впереди — великая страна Америка. Yahoo-o-o!

«Понтак» часто ломался. Юджину эту таратайку отдал хозяин заправки в Канзасе, — просто сказал: бери.

До Канзаса Юджин преспокойно доехал на автобусе из Ньюарка — собственноручно, на нескольких автобусах, пересаживаясь в больших городах. Легочная болезнь прогрессировала, ему назначили лечение в Аризоне, так что он уволился из итальянской мастерской, где снова что-то точил — на этот раз не стекло, а металлические детали, — попросил сохранить книги, ноты и привезенные из Германии скрипки, упаковался, купил билет и подался на лечение.

И вот он сидит в раскаленном авто посреди бесконечной трассы и каменистого пейзажа, проклиная того заправщика, его сраный «понтак», эту пустынную Аризону — и только из радиоприемника льется прохладный баритон певца из нью-йоркского Карнеги-холла... Когда уже опускались сумерки, Юджин разглядел темного призрака своего спасения: к нему приближался всадник, кто-то неторопливо возвращался домой. Прошло еще с полчаса, тьма сползла из-за невысоких гор, покуда всадник поравнялся с Юджиновым «понтаком». Юджин рассказал всаднику, кто он и куда направляется, а тот только спокойно пообещал, что вышлет за ним кого-нибудь из своего городка. На дорогах Аризоны такое случалось часто, так что Юджину оставалось упиваться свободой и ночными звуками аризонской природы, ожидая помощи, которая пришла только в полночь: приехали на тракторе какие-то люди, зацепили «понтак» и поволокли в городок. Где-то под утро приехали.

Так и началась аризонская жизнь Юджина.

Деньги на лечение исправно пересылала социальная служба, под опекой которой он находился несколько месяцев, пока имел право на безработицу.

По приезду в этот богом забытый аризонский городок Юджин встретился с местным журналистом, который пристроил его у одинокой вдовы, финки Каа-

ри. Та с удовольствием приняла постояльца за каких-нибудь полтора десятка баксов в неделю.

Во дворе Каариного дома Юджин припарковал свой «понтиак», но ездил на нем редко, потому что вдова не запрещала пользоваться ее новеньким «chevy» 1953 года с никелированными бамперами.

Юджин часами пропадал в парке, созерцая цветение сагуаро и слушая пение птиц.

Когда Каари вручала ему ключи от своего авто, она пахла сагуаро — вообще, здесь все пахло сагуаро. Журналист позвонил в пятницу и предложил съездить за ромом в Мексику, в городок Нагалес вблизи границы. Аризонцы часто навевались туда за бухлом, там было дешевле. Юджин спросил Каари, сможет ли она поехать, и та утвердительно кивнула.

Машина журналиста, который набил багажник мексиканским ромом, прошмыгнула по приграничному Нагалесу. За ним мчался Юджин, одной рукой держа руль «chevy». Рядом сидела загорелая Карри в цветастом платье и время от времени заливала в себя ром из открытой бутылки. Вокруг ее нижней губы и на подбородке присохли коричневые струйки рома, сладковатые запахи напитка, сагуаро и теплого тела Каари заполняли кабину. Юджин взял у нее бутылку и тоже отхлебнул, выдыхая с алкогольным паром слово «good».

Уже на американской территории «chevy» Юджина начало отставать от автомобиля журналиста. К тому же он заехал еще и на заправку, почему-то решив, что мало горючего. Выехав оттуда, помчал по равнинной дороге, уже никого перед собою не видя. Юджин с Каари пили ром.

И когда правая рука Юджина соскользнула с ручки переключения скоростей и оказалась на колене Каари, «chevy», резко затормозив, съехал с шоссе на песчаную обочину и остановился.

Аризона пахла мексиканским ромом и теплыми губами Каари.

Юджин припарковал «понтиак», в сердцах хлопнул дверью и стал перед домом.

В Лос-Анджелесе было три часа ночи.

Канитель со свечами задержала его в пути, и план добраться засветло провалился. Юджин еще раз проверил адрес: цифры на скомканной бумажке и числа на доме совпадали, как на выигрышном лотерейном билете. Он разбудил приятеля Михаила, с которым списался еще в Аризоне, и вошел в небольшую квартиру, шепотом объясняя причину опоздания. Приятель вытащил вмонтированную в стену кровать и сказал: «Ложись, завтра поговорим».

Лос-Анджелес лежал перед Юджином, а Юджин лежал в кровати и вслушивался в калифорнийские звуки, долетавшие через наполовину открытое окно. Проснувшись, он смог рассмотреть только почти пустую маленькую комнату с одним окном. Встал, заварил на кухне кофе и присел в майке и трусах у стола. Напомнил себе, что нужно забрать из багажника чемодан, но ключей от квартиры у него не было.

Около шести вечера Михаил вернулся.

В бумажных пакетах он принес продукты и несколько бутылок пива. Пока Юджин бегал к машине за вещами, приготовил ужин. Приятель курил и заливал пивом свои слова.

— Давно из Нью-Йорка?

— Больше года, восемь месяцев в Аризоне, а теперь — сюда.

— А чего удрал?

— Интересно, да и легкие нужно подлечить.

— А про Настю ты что-нибудь слышал?

— Нет, а кто это?

— Из Нью-Йорка. Просто из-за нее я здесь, в Калифорнии, дышу теперь Тихим океаном, но это не связано с легкими...

Они пили пиво, заедая гамбургерами.

Михаилу было под сорок, его жизнь состояла из сплошных побегов, любовных интриг, преследования мужей, сцен ревности. Повсюду он оставлял разбитое сердце очередной пассии, когда дела заходили слишком уж далеко. Он любил женщин и секс, но не хотел связывать себя браками и обязательствами.

Михаил решил показать Юджину Лос-Анджелес, и в пятницу они начали знакомство с нескольких голливудских баров. Михаил часто подбирал в этих барах актрис и вез к себе (через какое-то время о нем знала добрая половина Голливуда, особенно женская), иногда дрался за какую-нибудь из своих кисок, — довольно мастерски. Во время войны он тренировал полицию во Львове, так что знал технику кулачного боя и восточные приемы, и всем этим опытом и навыками охотно делился с публикой в барах. Он был известен как Mister Fist¹.

Юджин с Михаилом бросили «понтак» за несколько кварталов до голливудского района. В первом баре Михаилу почему-то не понравилось, и, пригубив джин с тоником и осмотрев публику, они убралась прочь. В третьем баре задержались, хотя второй тоже оставили довольно быстро. Заказав бутылку ирландского виски, Юджин предложил сесть ближе к кирпичной стене, на которой весело несколько больших фотографий из известных фильмов 30-х годов.

— А что, в Аризоне не понравилось?

— Понравилось. Но хотел еще увидеть Калифорнию.

— Ну, и как?

— Тепло.

— А я почему-то не могу тут, ну, живу, но...

— А Нью-Йорк?

— Не знаю.

— Мне Нью-Йорк нравится...

— А мне нравится вон та... посмотри.

И Михаил показал пальцем на стройную киску в сопровождении здорового мужика, похожего на бейсболиста. Михаил назвал ее имя и фамилию, но Юджин не интересовался американским кино.

— Ну что?

— Красивая.

— Она здесь уже с полгода, пытается получить какую-нибудь роль...

— ... и что?

— Кажется, пока что ее содержат.

Михаилу издали улыбалась крашенная в блондинку зрелая дама.

— Из этого бара. Это — моя первая.

---

¹ Мистер Кулак (англ.). — Прим. перев.

— Сколько ей лет?

— Я не спрашивал... Нравится?

Юджин, по опыту с Каари, старше его на несколько лет, знал о склонности этих дам присвоить мужчину моложе их и играть с ним, как с любимым котиком, исполняя все его капризы, но за определенную территорию не выпуская. Инстинкт самосохранения и желание ничего не потерять.

Юджин впервые за несколько дней вспомнил Каари. Под действием виски он вспомнил запах сагуаро — запах ее тела и их любви.

— Нет, не нравится.

— Старая?

— Нет, не старая.

— Она тут пропустила всех через себя, приехала в Голливуд, а осталась в этом баре, киска с опытом.

— Проститутка?

— Не думаю, дает не за деньги, выпивка и секс, все.

Юджин видел, что блондинка еще несколько раз взглянула на их столик, но, не получив ответа, вскоре переключилась на лысоватого розовощекого ковбоя в сапогах со скошенными каблуками, который весело хохотал и алчно смотрел на нее.

— Сегодня покатается на тexasском коне.

— Он что, на коне сюда приехал?

Михаил посмеялся над наивностью Юджина.

— Ага, на коне, с жеребцом в штанах.

Юджин заметил, что Михаил все время косится на спутницу бейсболиста, а заказанная вторая бутылка виски предвещала, что вечер не закончится вот так вот просто. Через какое-то время Юджиновы предчувствия начали исполняться: Михаил бойко подошел к столику бейсболиста и, положив руку на его плечо, наклонился к молодой актрисе. Бейсболист повернул голову, дернул плечом, но рука Михаила словно вросла. Из всех углов бара долетало: «Mister Fist... Mister Fist».

Начиналось развлечение.

Юджин не успел опомниться, как бейсболист уже лежал на полу, брошенный ловким приемом Михаила. Эта американская горилла, вскормленная гамбургерами и бифштексами, тренированная и самоуверенная, эта бейсбольная масса что-то проревела на своем калифорнийском диалекте: выкрик раненого зверя и опозоренного любовника поняли все в баре, кроме Михаила и Юджина. Так что Михаил, не дав горилле опомниться, сильным ударом в лицо загнал слова бейсболиста обратно в глотку, и эти слова вытекли уже струйками крови из разбитого рта жертвы.

Из зеленой темноты бара, мягкой и бархатной, вышли три тени моряков американского военного флота в белой фланелевой форме с закатанными рукавами, без беретов на стриженных головах. Они бросились на Михаила, но тоже через несколько секунд легли рядом с бейсболистом, разбросанные вихрем боевых приемов.

Напряжение росло.

И когда на чей-то зов в бар забежали еще шестеро бейсболистов, которые начали молотить всех, кто попадал под руку, Юджин понял, что обречен. Он даже не добежал до Михаила, потому что сразу ощутил силу калифорнийского

бейсбола. Его сбили за несколько метров от Михаила, который отбивался от всех, покуда калифорнийские гориллы не навалились на него скопом и не застучали его телом об пол, как джазист в бубен.

Потом они же вынесли Михаила и Юджина к дверям и вышвырнули из бара на мостовую.

Накрапывал дождь. Через некоторое время они поняли, что дожили до субботы.

Как бы то ни было, а Юджину пришлось по душе калифорнийская жизнь, а особенно бульвар Сансет и пляж Санта-Моника. Он полюбил Тихий океан и его удивительные пейзажи, горы, залитые солнцем калифорнийские виноградники, предвечернее лежание на пляжном песке и полную беззаботность.

«Понтиак» Юджина часто появлялся на бульваре Сансет: его поглаживала тень пальмовых листьев, он мчал, отражаясь в витринах дорогих магазинов и выдавливая из себя последние силы и циклические движения цилиндров. Забрызганные бензином свечи забивали дыхание мотора, и когда тот, закашлявшись, как астматик, терял скорость, Юджин обзывал всю автомобильную промышленность Америки немецким словом «шайзе». А щедрого хозяина заправки — английским словом «шит».

Но по сравнению с Нью-Йорком Лос-Анджелес, несмотря на калифорнийскую экзотику, оставлял у Юджина впечатление города-провинциала. Дни и недели тянулись слишком однообразно, а после драки на бульваре Голливуд, когда полиция запретила Михаилу заходить в голливудский район, тем более потянулась рутинная жизнь, поэтому Юджин не раз подумывал об отъезде. Но что-то его еще держало здесь, в городе ангелов.

Как-то он в одиночестве пошел с бульвара Сансет в Голливуд, просто так. Подступы к одному из кинотеатров были перекрыты: фотографы и кинохроника, прожекторы, актеры и актрисы, дорогие лимузины — это была премьера какого-то фильма. Юджин стал напротив и засмотрелся на этот блеск успеха, белые воротнички, бабочки и черный бархат костюмов, мягкие линии вечерних платьев, вспышки фотоаппаратов, покрывавшие серебристым налетом стандартные лица голливудских мачо и красавиц. Юджин стоял в толпе, которая в один голос выкрикивала имена и визжала, словно это был ее праздник. Хотя, наверное, это и был праздник толпы.

Когда сборище начало постепенно расходиться, Юджин, уже сидя в кофейне на бульваре Голливуд, вспомнил, что Нью-Йорк и Америку вообще открыл ему «Der Verlorne Sohn» Луиса Тренкера, который он смотрел в Судетах в конце войны вместе с другими перемещенцами: им показывали кино из немецких архивов. Юджин хорошо запомнил из того фильма Эмпайр-стейт-билдинг, рекламу, автомобили, сценку с поиском работы, а главное — современного блудного сына в лабиринте нью-йоркских улиц.

Глядя на бульвар Голливуд из окна кофейни, Юджин почему-то заскучал по Нью-Йорку. Калифорнийский воздух, который он вдыхал каждое утро на пляже Санта-Моника, полоскал его легкие сухим теплом и океанским бризом, он пригоршнями глотал виноград, а по вечерам пил калифорнийское вино или местное пиво. За несколько месяцев в Аризоне и Калифорнии Юджин окреп и поправился. Вместе с подозрением на туберкулез исчезала и любовь Юджина к Лос-Анджелесу.

После той драки Михаил переключился на другие районы с кофейнями и пабами, куда не заходили ни бейсболисты, ни голливудские актрисы. Он все чаще приходил затемно, оставляя Юджина в одиночестве, а утром снова шел что-то охранять.

«Понтиак» требовал ремонта, и однажды Юджин приехал в автомастерские, что сгрудились в конце бульвара Голливуд. Автомеханик заглянул в мотор, выкрутил свечи, померил уровень масла и проверил давление в колесах.

— Далеко собрался?

— Еще не знаю. Сначала в Лас-Вегас, — как-то неожиданно выпалил Юджин.

— Свечи — мусор.

— Знаю, а что делать?

— Выкинь на свалку.

— На свалку? — удивился Юджин.

— Ну а куда? Я там кое-что почистил, но долго мотор не протянет.

Юджин сел в «понтиак», завел мотор и услышал, что цилиндры ритмично исполняют увертюру к своей работе, а карбюратор глотает воздух и горючее без больших усилий. Однако свечи Юджина беспокоили — наверное, потому, что он все-таки решил возвращаться в Нью-Йорк.

Юджин съехал с бульвара Голливуд на перпендикулярную улочку и выехал на бульвар Сансет. Калифорнийский август, теплый и нежный, словно батист, обвевал его лицо из открытого бокового окна. Юджин мчался по городу, счастливо ощущая в руках сильную и усмиренную машину. Близкая разлука с Лос-Анджелесом не радовала и не огорчала, в калифорнийских долинах доспевал синий виноград, переливаясь на солнце, словно драгоценные камни, а загорелый Юджин пел любимую арию из «Травиаты». Ему подпевали бульвар Сансет, мотор «понтиака», Санта-Моника и Лос-Анджелес. Юджин ехал в Нью-Йорк, он мчал за город, за горы, за границы Калифорнии. И уже ничто не могло его остановить.

Он еще заехал к Михаилу и бросил свои вещи в багажник. У него оставалось в кармане полсотни долларов. «Ну, как раз хватит на бензин и гамбургеры», — подумал Юджин, собираясь. Он знал, что Михаила не дождетя, и потому на куцей бумажке написал несколько слов прощания, замкнул двери и пошел к машине.

Это была Южная Дакота, и Юджин вторую неделю был в пути: он оставил Лас-Вегас, проехал Монтану и повернул на восток. У него заканчивались деньги: за все это время он выхлебал все виски и съел все продукты, оставалось меньше десяти долларов. К счастью, «понтиак» вел себя хорошо и ни разу за всю поездку не потревожил Юджина покашливанием или астматичными сбоями мотора.

Здесь, посреди Америки, по соседству с Миннесотой, Юджин ощутил дыхание Атлантики, шум Бродвея, увидел указательный палец Эмпайр-стейт-билдинг, который звал его к себе.

Съехав с наступлением ночи с трассы, Юджин решил выспаться. Его измучили горные дороги Невады с опасными поворотами, а тут, в Южной Дакоте, чередование прерий и гор действовало успокаивающе. Юджин заснул в автомобиле, приоткрыв боковое стекло. Во сне он ходил по Бродвею, ездил на сабвее в Бруклин, что-то покупал в лавке на Деленсе, заходил в мастерскую

итальянца и обтачивал там детали, которые нужно было доделать, слушал «Тоску» в Метрополитен-опере, встречался с Бетховеном в Карнеги-холле... Людвиг запросто угощал Юджина хот-догами, жаловался на нью-йоркские дожди, на оркестрантов, затяжные репетиции и задержки гонораров. Юджин обещал показать Людвигу Ист-Виллидж, немецкую библиотеку, немецкие районы на Глендейл, повести на пиво и бургеры в настоящий немецкий ресторан. Потом Юджин снова ломал кукурузу в Нью-Джерси, мыл пол в больнице, ремонтировал лифт, штамповал пуговицы для американской армии, играл на скрипке, покупал диски исполнителей классики и решал задания по алгебре.

Проснулся он от глухой тишины, зависшей на ветвях леса, который дал ему пристанище на эту ночь. Чуть впереди за деревьями виднелась панорама озера. Дикая утка плавала у скалистого берега, и осень, как домохозяйка, красила деревья свежей краской, желтой и красной...

Юджин возвращался в Нью-Йорк на автобусе в декабре.

Все утро автобус мчался мимо сонных городков по штату Нью-Джерси.

С «понтаком» Юджин распрощался в Миннесоте, продав его на запчасти, и за те несколько десятков долларов купил билет. Возвращался в пальто, которое купил на последние центы в магазине «Армии спасения». Он знал, что Нью-Йорк примет его, своего блудного сына, с распростертыми объятиями, только за одно то, что Юджин не предал огни металлической души этого большого города, в глубинах улиц которого легче спрятаться от одиночества, в конце концов — от себя самого.

Декабрьским утром Юджин сошел на Пенн-стейшен и поспешил на сабвей. Уже через несколько остановок он окажется на Ист-Виллидже, придет на свою авеню Би, к дому, который небось успел забыть его за эти полтора года. Кто-то из жителей, наверное, выехал, а кто-нибудь и умер.

...Из окна второго этажа вылетали подгоревшие матрасы, как гренки из черного хлеба к кофе. Юджин стоял перед своим домом и перед своими окнами, наблюдая, как пожарники заливают водой мебель, одежду, бумаги, которые дотлевали внутри квартиры. Пожарники подтягивали гофрированные шланги, а на улице стояло несколько сонных Юджиновых знакомых — видно, что после вчерашнего перепоя. Он узнал высокого старикана — старого айриша, который любил курить прямо в постели. У него Юджин и снимал комнатку. Перед своим великим исходом на запад Америки Юджин заплатил старику определенную сумму, чтобы тот не выбрасывал его вещи. Комнатку, на всякий случай, приберег — конечно, поселив нового жильца, но с условием, что, когда Юджин вернется, тот, новый, должен выселиться.

А теперь им всем негде жить и никакие договоренности уже не действуют.

Старик посмотрел на Юджина и отвернулся к полицейскому, который записывал с его слов подробности несчастного случая.

Ну, Юджину ничего и не оставалось, как только, постояв, убраться прочь.

В Нью-Йорке декабрь выдался довольно теплый. Зима приближалась, а Юджин потерял свой угол и оказался на улице. Он позвонил знакомому в Квинс и договорился о ночлеге на несколько дней.

На 14-й улице начиналась предрождественская распродажа.

В шахматных клубах доигрывали последние в этом году партии, в пабах допивали последнее в этом году пиво, в букинистических магазинах продавали по сниженной цене залежавшиеся книги и ноты.

На Бродвее было шумно, на 2-й авеню ездили по металлическим конструкциям с ажурными опорами поезда, вызванивая вагонами и рельсами.

На Лоуэр Ист-Сайд жались друг к другу синагоги и еврейские лавки. Большинство жителей этого района были галицийские евреи, которые также говорили по-польски и по-украински — все они приехали в конце XIX или в начале XX столетия, и в 1920—1930-е годы идиш все громче звучал на улицах, в магазинах и в ресторанах. Книшки продавали в «Йоган Шимель Книш Бейкери» на Хаустон-стрит, а Морис Косар и Исидор Мирски выпекали булочки по белостокским рецептам. Юджину нравился гам и запах этих улиц, идишский акцент в польском языке, знакомые лица евреев, их воспоминания о Галиции, городки и гешефты.

Юджин часто навещался сюда после возвращения из своего великого американского исхода, встречал в разговорах в лавках — особенно когда кто-нибудь из собеседников был из Богородчан или Солотвина. Лоуэр Ист-Сайд напоминала Юджину меланхолическую песню на идиш, какую-то довоенную идиллию, а теплые книжки и булочки — скрытое в сознании ощущение дома и уюта, которого у него никогда не было и, наверное, уже не будет.

О музыке Юджин может говорить часами: о композиторах, певцах, операх, либретто и скрипках, которые он привез из Германии в Нью-Йорк. Это единственное, что ему осталось — война и музыка.

Даже в шахтах тифозного 1941 года Юджин выстукивал на спинках металлической кровати мелодии деревенских музыкантов со свадеб и гуляний. В Германии он находился рядом с Бетховеном и Вагнером, о которых тогда еще ничего не знал. Чувствовал, что рядом с шахтами и тифом над землей зависла музыка — огромный пласт, подобный голубым небесным сферам, — музыка, которую он хотел глотать, как мармелад из своего шахтерского рациона. На шахтах и потом, в Яблонце-над-Нисой или в Праге, музыка отбивалась от Юджина, как девушка — от надоедливого ухажера. И только в лагере — в этом скоплении послевоенных ужасов, где сгрудились полуголодные изгнанники с несколькими чемоданами или даже без них, с детьми, напуганными бомбардировками, с единственным желанием выжить — только в лагере для перемещенных лиц среди разрушенной Германии Юджин нашел немецкого учителя, которому возил как плату сигареты, — их раздавали американские благотворительные организации. Сам он не курил, поэтому так платить за обучение было ему удобно. Несколько лет на шахте и у Цейса превратили ладони Юджина в рабочие клешни, его пальцы могли лишь очень грубо держать гриф и смычок; вдобавок Юджин был левша, и ему нужна была скрипка, переделанная под левую руку. У немецкого учителя одна такая скрипка нашлась, и через какое-то время задубелые культияпки, касаясь нежных струн и лакированного тела скрипки, начали выжимать звуки — сначала хриплые и пискливые, словно весенние голоса птенцов, которых Юджин словно душил пальцами.

Юджин любил рассказывать историю скрипичного мастера Дидченко, ко-

торый выстрелил в свою бывшую жену в Метрополитен-музее, а ее любовник-адвокат при этом умер от разрыва сердца.

Начиналось все так: вернувшись из больницы, Дидченко обнаружил, что старинная скрипка и виолончель работы средневековых итальянских мастеров исчезли из сейфа. Как оказалось, адвокат, который вел дела Дидченко, подговорил его жену, и та продала инструменты за 250 тысяч долларов.

Пока Дидченко искал правды, тот же адвокат поспособствовал быстрому разводу, и в один миг у скрипача не осталось ни семьи, ни старинных инструментов. По словам Юджина, Дидченко никак не мог с этим смириться. К тому же суд постановил, что встречаться с дочерью он может только в присутствии бывшей жены, раз в месяц.

И тут у Дидченко созрел план.

Как-то в воскресенье он попросил свидания с дочерью. Разумеется, бывшая жена, боясь мести, не решалась приходить в места, которые могли показаться опасными, но Дидченко назначил встречу в Метрополитен-музее, где всегда многолюдно, а еще и согласился, чтобы пришел адвокат. Так что в конце концов женщина приняла предложение.

Дома Дидченко вытащил из ящика стола пистолет и зарядил его.

Бывший капитан царской армии, он обладал военными навыками и умел быстро оценивать ситуацию. Метрополитен-музей был чуть ли не лучшей площадкой для мести, нужно было только придумать, как спровадить дочь и что делать после выстрела. Ждать полицию или бежать? А если бежать, то куда? Никакого места Дидченко заранее не подготовил: подумал об этом в последнюю минуту, но отбросил все соображения, потому что мешали сосредоточиться.

От Карнеги-холл до Метрополитен-музея Дидченко шел пешком. Это примерно двадцать улиц. Путь, который можно пройти за час, он прошел за три. Отшагав почти половину, Дидченко остановился — в воздухе пахло липами, и так же пахло в его мастерской: клеем и живицей, лаком и музыкой.

За поясом торчал пистолет.

С того времени как жена переехала к адвокату, Дидченко лишь несколько раз появлялся в мастерской: просто заходил, но ничего не делал, сидел и курил. Срочные заказы пришлось отложить, а для клиентов придумать какие-то объяснения. Его преследовали скрипка и виолончель, которые так коварно выкрала эта сука (а иначе Дидченко бывшую жену и не называл). Он даже не пытался вспоминать о цене инструментов — его больше беспокоило, что то итальянское совершенство, которое он ощупывал и обнюхивал, которое пытался разгадать, измеряя циркулями и линейками, — теперь продано и никогда уже не будет ему принадлежать.

Как происходила сама расправа, Юджин с годами подзабыл, хотя репортажи в криминальной хронике тогда сообщали, что скрипичный мастер Дидченко смертельно ранил в Метрополитен-музее свою бывшую жену. Мотивом преступления, по мнению полиции, была продажа старинных музыкальных инструментов. В музыкальных и адвокатских кругах это событие живо обсуждали еще какое-то время, пока прессу и салоны Нью-Йорка не заполнили разговоры о новом неординарном преступлении.

В назначенное время дочь и бывшая жена Дидченко в сопровождении адвоката появились в зале древнегреческого искусства.

Дидченко вышел из-за двухметрового Аполлона, поздоровался, обнял дочку

и несколько минут о чем-то с ней шепотом беседовал. Начальный страх и неуверенность бывшей жены притупились, расслабился и адвокат, рассматривая обезглавленную Венеру. Дочка подбежала к маме, что-то ей шепнула и побежала между скульптур к буфету с десятидолларовой купюрой, которую Дидченко вложил в ее узкую ладонь.

Дидченко вытащил из-за пояса пистолет и хладнокровно, почти в упор расстрелял бывшую жену под крики и вопли нескольких любителей классики. Выстрелы, прозвучавшие за спиной адвоката, отвлекли его внимание от Венеры, он немного отступил, повернулся на звук и увидел окровавленную любовницу на мраморном полу с глазурованной мозаикой. Потом как-то неестественно пошатнулся и упал, дернув тонкими ногами, да и затих. Дидченко спрятал пистолет за пояс, выпрямился и вместе с сотней мраморных скульптур и двумя трупами стал ждать полицию.

Его арестовали и забрали в тюрьму, а убитую и умершего — на медицинскую экспертизу. У несчастной вынули из тела семь пуль: капитан царской армии не оставил ей никаких шансов выжить. У адвоката диагностировали разрыв сердца вследствие шокового состояния, пуль в его теле не нашли.

Дочь Дидченко, кажется, временно поместили в приют, а что было с ней дальше, Юджин не знает.

Эту полузабытую историю Юджин рассказывает так увлеченно, словно это не Дидченко, а он сам поквитался со злоумышленниками.

В 50-х годах в Нью-Йорке на сцене Карнеги-холла царил Иегуди Менухин.

Именно игрой Менухина озвучили фильм «*Magis Bow*» о Паганини — это кино подарил Юджину на Рождество, еще во времена его дорменовской службы, один парень, тоже музыкоголик и опероман, с которым они часто обменивались музыкальными новинками. Сначала Юджин долго выбирал видеомagneфон, чтобы иметь возможность пересмотреть это кино. Время шло, проигрыватель Юджин так и не купил. Пролетело еще несколько десятков лет, фильм перешел в категорию ретро, состарился и умер Иегуди Менухин, постарел и Юджин. Только Паганини в том фильме оставался неизменным, как и музыка, которую сыпал, как из рукава, волшебный смычок Менухина — казалось, она почерпнута из небесных сфер. Когда же еще через несколько лет ультиматум лендлордов привел к полной ликвидации книг и музыки Юджина, на свалку попал и «*Magis Bow*». Теперь Юджин жалуется, что этот сучий грек уничтожил и его самого.

В 60-х годах, когда тонкие механизмы, которые Юджину выпало ремонтировать на фабрике металлических армейских пуговиц и прочих знаков отличий, оставались позади, он становился посреди своей комнаты и играл несложные музыкальные произведения. За его спиной стояли ближайшие друзья, которым он действительно доверял: скрипачи Никколо Паганини, Август Брайтбах, Леопольд Ауэр и Петровский, учитель из Ашаффенбурга. Они держали руку Юджина, водили смычком, молча, словно суровые судьи, слушали его игру. После тархтения станков, запаха машинного масла и скрежета металла Юджин, точно одинокий пловец, нырял в волны музыки, похожие на те, что прибиваются из открытого океана на пляжи Лонг-Айленда. Нырял и плыл, заплывая до самых бакенов: дальше ему не хватало сил, слабела рука, не слушались пальцы, звучание теряло чистоту и первоначальный свет, которое так легко высвобождали Паганини или Менухин, касаясь пульсирующей сердцевины звука. В открытом окне

соседнего дома пуэрториканские дети, ожидавшие ужина, замороженно слушали скрипку Юджина, готовые временно удовлетвориться музыкой как десертом.

В Нью-Йорке Юджин вдруг, к собственному удивлению, прекратил путешествия: его жизнь состояла теперь из нечастых посещений знакомых в городе или за его пределами, дальше всего — в Пенсильвании. Великий исход Юджина притупил в нем желание странствовать, и он впал в своего рода летаргический сон, из которого выходил, слушая лекции по высшей математике у полковника артиллерии царской армии, выпускника Санкт-Петербургского университета Кондрата Плохого. Бывший артиллерист жил в Бруклине, поэтому почти каждое воскресенье Юджин на сабвее приезжал к нему со своей исписанной тетрадью, в которой решал различные задачи. Это были шестидесятые. По Ист-Виллиджу бродили поэты, в самых дешевых районах селились молодые художники, появлялись хиппи. Начиналась война во Вьетнаме, молодежь сходила с ума от битлов и «Вудстока». Юджин на все это реагировал упражнениями на скрипке и в алгебре, прослушиванием классики в лучших концертных залах Нью-Йорка и все углублявшимся одиночеством, которое крепко схватило его за широкие плечи, словно злая и циничная потаскуха, простоявшая без клиентов целый вечер.

После Каари у Юджина почти не было женщин.

Может, потому, что Юджин любил детали своей жизни: одинокое жилище на 3-й улице, две скрипки в черных футлярах, книги о музыке, ноты скрипичных партитур. Он любил разговоры и концерты, свое обучение и музыкальные фильмы, любил свое пространство, которое кто-то другой мог бы разрушить. Женщины, которых он все-таки водил к себе, пытались упорядочить хаос, которому Юджин придавал почти мистическое значение, поэтому после секса он легко прощался с ними. В окрестностях Ист-Виллиджа крутились несколько десятков недорогих местных проституток, да и между своими хватало подруг, которые еще в лагерные времена прославились безотказностью. А когда появились хиппи и наркоманы, за несколько долларов можно было получить такое, что и в «Камасутре» не найдешь. Были ночные клубы с голыми девками, которые повисали на металлических трубах, символизировавших фаллос: девки блестели и раздевались, звали к себе, предлагали себя, позволяли касаться своих тел, засовывать за цветные трусики мятые долларовые купюры. Они хохотали и верещали от щекотки.

«Нью-Йорк, — говорит мне Юджин, — изменился». И в этом с ним сложно было не согласиться.

Юджин сам почти целиком превратился в Нью-Йорк, что залег в его памяти, стал неким человеком-городом с музыкальной подкладкой, человекогородом, похожим на рваную подкладку своего пальто. Нью-Йорк разделил с ним по-братски пять десятков лет, старость догнала его на 14-й улице, как раз по дороге в музыкальную лавку, где приторговывали старыми записями классической музыки.

«Жизнь — это одни потери, — говорит Юджин. — Смотри: в детстве я потерял мать, потом — свое село, потом — Прагу, потом — Баварию, музыку, две скрипки, несколько квартир, Каари, книги и пласты, фотографии и тетради, а когда-нибудь Нью-Йорк потеряет меня».

«Музыка, — говорит Юджин, — теперь совершенно испортилась».

Он не любит джаз; в лавке на 14-й ему никогда не предлагают панк, рэп или еще что-то такое, уважая выбор и вкус своего клиента. Музыка, что сопровождала Юджина до старости и сама стала его старостью, ходит с ним и за ним по нью-йоркским улицам, как подруга, и всегда ждет его, когда он, запыхавшись, отстает. Она поднимает его, когда он падает на улице, сбитый велосипедом или просто споткнувшись, она прицепилась к нему своими тяжелыми ангельскими крыльями, и Юджин не может уже ни сбросить их, ни отдать кому-то другому.

К середине дня возле Святого Станислава собираются старики Манхеттена: это — время дешевого обеда, привезенного католическими благотворительными организациями. Ниже, возле Томпкинс-сквер-парка, тоже раздают дармовую хавку, но это уже «Армия спасения»: там полно пожилых китайцев и бомжей, запах супов и жареных кур висит целый час над ближайшими улицами. Старость — это не только музыка, но и «Армия спасения», пластиковые тарелки и суeta в очереди за своей порцией.

Южин приходит, шаркая громоздкими ботинками «Rock Port», потрескавшимися, со стесанными каблуками, в неизменном синем пальто, с шарфом на шее и во французском берете. Не засиживается, потому что должен, говорит, идти на 14-ю улицу, искать оперу Вагнера «Тристан и Изольда» в исполнении оркестра под руководством Эриха Лайнсдорфа, запись 1943 года в Метрополитен-опере. Потом целую ночь, до самого утра, будет слушать музыку, пока свет дня не встанет в полный рост во всех пяти окнах Юджиновой квартиры.

Я знаю, когда Юджин завтра подойдет, и я скажу: «Hello, my dear friend», он беззубо улыбнется.

— Все о'кей ? — спросит он.

— О'кей, — отвечу я.

И это будет значить, что действительно все о'кей.